

Альманах

ВЫПУСК

5

ДЕМОНОЛОГИЯ
КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА

Москва «Индрик» 2016

С. Ю. Неклюдов

Оборотничество:
«природа вещей»,
объем понятия,
региональные версии¹

1.

Оборотничество в широком смысле слова — это магическое изменение каким-либо существом своего внешнего вида. Подобными способностями обладают многие персонажи «низшей» мифологии, прибегающие к различным превращениям, хотя подчас и имеющие излюбленные личности (например, коня, козла, барана, овцы, свиньи, зайца и др. у черта в славянских традициях [СА 3: 467–469 (*Виноградова Л.Н.* «Оборотничество»)], либо — в специфической ситуации бегства от грозы — котенка, черного ягненка и пр. [Померанцева 1975: 137]).

Особый случай — леший, домовый, бес, которые принимают образ родственника или знакомого, выступая, кроме того, в качестве ложного партнера, выдающего себя за умершего / отсутствующего жениха (~ невесту, мужа, жену) [Неклюдов 1996: 4–7]. Наконец, настоящими демонами-оборотнями являются поамениши, дети инкубов и суккубов, подбрасываемые на место похищенных новорожденных [Махов 2007: 204].

Мотив оборотничества базируется на комплексе архаических представлений о двойной, зооантропоморфной, природе мифо-

¹ Статья представляет собой переработанную и дополненную версию публикации в сборнике материалов конференции «Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации» (Москва, РАНХиГС, 11–12 декабря 2015) [Неклюдов 2015: 7–13].

логических персонажей — тотемных первопредков и культурных героев (причем грань между ипостасями человека и животного подчас трудноуловима), а также представлений о возможности воплощения души человека в животном (растении, предмете); известную роль могла сыграть и практика охотничьей (~ игровой) маскировки. Следует, наконец, обратить внимание на разнообразие манифестаций духов, у которых вообще отсутствует «изначальный» облик², и на воплощение «внешней души» мифологического персонажа в каком-либо животном, растении и даже человеке.

Не исключено, что мотив оборотничества связан с переходными обрядами, санкционирующими перемену состояния человека, которая интерпретируется как смерть в одном статусе и рождение в другом, что сопровождается пересечением пространственно-временных рубежей между областями мифологического космоса. Вспомним чудесные трансформации скаочно-эпических персонажей (включая их околдовывание), метаморфозы фольклорного героя при его перемещениях по шкале «высокое — низкое» и т. п. Прибыв в царство невесты («чужое», запределное, иногда хтоническое), богатырь архаического эпоса и сказки подчас принимает облик беспомощного, социально отверженного существа — ребенка (сироты) или, реже, старика, приближаясь тем самым к рубежу «смерть / рождение», и сохраняет «обращенный» облик вплоть до своего полного утверждения в новом статусе — статусе мужа. То же происходит в сюжетах о зоморфном брачном партнере [АаПп 401 и др.], который сбрасывает звериную (птичью, рептильную и др.) личину ночью (временной рубеж) и совсем отторгает ее при окончательном утверждении в новом статусе (обычно — после путешествия героя / героини

² Так, при попытке изобразить *дему* папуас чертит «три зигзагообразные линии, означающие негленные внутренности демы, вместилище его жизненной силы», обводит их овалом, который должен изобразить кожу, и добавляет: «Снаружи он может выгладеть по-разному. Это нарисовать нельзя». Демы «могут принимать любой облик, выступая то в образе человека, то снова в образе зверя или дерева и т. д.» [Неверман 1960: 272 и 32].

в потусторонний мир для поисков мужа или жены, исчезнувших из-за нарушения запрета).

Оборотничество в узком, собственном смысле слова — это временное, произвольное (чаще) или непроизвольное обретение чуждого облика с последующим возвратом к своему первоначальному виду [СД 3: 466]; обычно подобные превращения имеют множественный, даже регулярный характер — ежегодный или ежедневный. В связи с их «годовым циклом» вспомним известное сообщение Геродота (IV, 105) о племени невров:

Эти люди, по-видимому, колауны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько колдовческий облик [Геродот 1993: 213].

Примером «сезонного оборотничества» может служить следующий случай:

Жители франко-канадской деревушки сняли зимой со льдины юношу, который оказался хорошим работником, стал ухаживать за одной из первых местных красоток, но весной, во время ледохода, в одну из последних дней, перестал обращаться на нее внимание, а потом исчез. Ночью в лесу местные жители повстречали огромного волка, который, уходя от погони, вскочил на льдину и уплыл на ней [Бестон 1985: 114–116; Акимов 1996: 133].

Обратим внимание: оборотень исчез так же, как появился (со льдины — на льдину), а временным рубжом в его «трансформационном цикле» оказалась весна, начало ледохода, видимо, обладающего лиминальным значением. Что же касается «суточного цикла», то он хорошо иллюстрируется скандинавской традицией: люди, склонные к оборотничеству, назывались «спящими по вечерам»:

... в е ч е р о м о н и в п а д а л и в б е с с о з н а -
т е л ь н о е с о с т о я н и е и л ж а л и н е п о д в и ж н о <...>
о к р у ж а ю щ и е ж е т о л к о в а л и э т о т а к , б у д т о и з с п я щ и г о в ы -
ш л а д у ш а и б е г а е т в в о л ь е м о б л и к е [Ярхо 1931: 260].

Нечто подобное рассказывается об одном из исландских первопоселенцев по имени Ульв («волк»):

[Он] каждый раз, когда вечерело, начинала избегать людей, так что лишь немногим удавалось завести с ним беседу. К вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень, за что был прозван Кведульвом («вечерним волком») [Стеблин-Каменский 1956: 63–64, 106, 110].

Данные представления встречаются преимущественно в сфере актуальной демонологии и в зависимых от нее нарративах. Согласно им, способность к оборотничеству может быть обретенной, predeterminedной судьбой или врожденной; бывает она и наследственной [Новичкова 1995: 448]. Оборотнем можно родиться в результате проклятия родителей, зачатия под Пасху, соития женщины с волком. Оборотни осмысливаются и как «особая порода людей», причем «мужики чаще обращаются в медведя, а женщины — в свинью» [Власова 1995: 262]; впрочем, принимают они также облик лошади, волка, собаки, кошки, совы, сороки, петуха, рыбы, змеи, жабы, лягушки, ежа и т. д. [СД 3: 468].

Способность к оборотничеству устойчиво приписывается ведьмам и колдунам. Согласно народным рассказам, колдун может превратиться в птицу и проникнуть в дом жертвы в качестве соглядатая³ или в образе коршуна похитить ребенка из чрева бе-

3 Ср.: именно с разведывательными целями гении-хранители трех ша-райгольских ханов превращаются в «небесную птицу Ганга» (*Гурван хааны сахис тэнгэр Ганга ирүүнд хувилж*), которую Рогма-гоа сразу опознает как демоническую птицу-оборотня (*мангасын хувилгаан ирүү*) [Козин 1935/1936: 141–142; Arban jüüg-ün ejten I: 177–178].

ременной женщины [Зин. 1987: ГП 15; ГП 7] и т. п. Самые разные личности умели принимать знаменитые разбойничьи атаманы (которым вообще приписывались колдовские свойства): Степан Разин мог становиться деревом, Игнат Некрасов превращался в кого захочет, саратовский разбойник Галаяв «был способен оборачиваться в разных животных, причем нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы — ясного сокола», вологодский разбойник Блоха был прозван так потому, что мог превращаться в блоху, и т. д. [Рыблова 2003: 41–45].

Кроме оборотничества, так сказать, активного, встречается также пассивное, «принудительное», т. е. превращение кого-либо в волка, свинью или другое животное на определенный срок (~ навсегда) чарами колдуна [СД 1: 418–419 (*Гура А.В., Левкиевская Е.Е.* «Волколак»); Новичкова 1995: 447–448]: так, колдун превращает в волка юношу, отказавшегося жениться на богатой невесте [Зин. 1987: ГП 23], оборотнем делается парень, проклятый на свадьбе [Зин. 1985: ВП.6], и т. п., частым мотивом мифологической прозы является превращение в волков (~ собака, кошка) участников свадебного поезда или застолья (обязанным колдуном (~ ведьмой), причем человеческий облик возвращается (если возвращается) через много лет лишь некоторым, оставшимся в живых [Козл., Степ.: А.1.1.1, А.1.1.2]. Видимо, неслучайна связь такого «объектного» оборотничества именно со свадьбой, учитываемая лиминальный характер этого события — не только для его центральных персонажей, но и для всех вовлеченных в него людей. Наконец, иногда превращение происходит всласть укуса оборотня, принявшего звериный облик (по литовским поверьям, такая разновидность «вторичных» оборотней — *вилктаков* не опасна для человека [МНМ 1: 236 (*Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* «Вилктаки»)]).

Способность к оборотничеству можно обрести, узнав со-ответствующую заговорную формулу, заполучив талисман или какое-нибудь другое чудесное средство, либо освоив ряд колдовских процедур — перепрыгивание через лезвие ножа, веревку, ветку, коромысло, огонь на печном шестке, осиновую

